

Всеволод Сергеевич Соловьев

Портрет игумении (Проза)

Всеволод Соловьев так и остался в тени своих более знаменитых отца (историка С. М. Соловьева) и младшего брата (философа и поэта Владимира Соловьева). Но скромное место исторического беллетриста в истории русской литературы за ним, безусловно, сохранится.

Помимо исторических романов представляют интерес воспоминания

**Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ
ПОРТРЕТЪ ИГУМЕНИИ**

(Святочный рассказъ).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ дождливый осенній вечеръ, я собрался къ моему старому знакомому, отставному полковнику Ш. У полковника, холостяка и хлѣбосола, почти ежедневно собиралось по вечерамъ пріятное общество. Иногда играли въ карты, а то просто бесѣдовали у камина, полулежа на мягкихъ турецкихъ диванахъ, куря сигары и запивая рассказы и споры старымъ, отличнымъ виномъ, на которое не скупился хозяинъ.

У полковника я засталъ, какъ и рассчитывалъ, нѣкоторыхъ нашихъ общихъ пріятелей. Тутъ былъ и докторъ Н., и племянникъ полковника, молодой товарищъ прокурора, и художникъ С.

— А! вотъ и вы, и очень кстати, — сказалъ мнѣ хозяинъ, въ то время какъ я со всѣми здоровался, — докторъ сейчасъ рассказалъ намъ очень интересный случай и намъ хотѣлось бы знать ваше о немъ мнѣніе.

— Очень радъ, — отвѣтилъ я, — и сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ, но прежде всего позвольте замѣтить вамъ, дорогой хозяинъ, что погода сегодня самая возмутительная и я

продрогъ до костей. Если хотите, чтобы я говорилъ складно, то развяжите мнѣ языкъ чѣмъ-нибудь согрѣвательнымъ.

Полковникъ налилъ мнѣ стаканъ вина.

Послѣ нѣсколькихъ глотковъ, пріятная теплота пробѣжала по моему тѣлу, я придвинулся къ камину.

— Въ чемъ же дѣло, господа? на счетъ чего вамъ угодно знать мое мнѣніе? — спросилъ я моихъ собесѣдниковъ.

— Вы должны сказать намъ, — отвѣтилъ мнѣ, громко смѣясь, молодой юристъ, — считаете ли вы себя способнымъ вѣрить въ существованіе духовъ или въ сверхъестественныя силы.

— Тише, — шутливо крикнулъ докторъ, стуча золотою табакеркою о столъ, — господинъ товарищъ прокурора, я призываю васъ къ порядку! Зачѣмъ вы начинаете съ конца?.. Видите-ли, обратился онъ ко мнѣ, мы говорили о случаѣ изъ моей сегодняшней практики.

Рано утромъ меня позвали къ одной пациенткѣ. Я знаю ее давно, это умная и разсудительная женщина. Я ее засталъ въ большой тревогѣ. Несмотря на свои лѣта, она была

въ такомъ лихорадочномъ состояніи, что даже не могла отвѣтить на мои вопросы. Я понялъ, что съ ней произошло что-нибудь необыкновенное. Наконецъ, она рассказала слѣдующее таинственное приключеніе, бывшее съ ней прошлой ночью. Вскорѣ послѣ полуночи ее разбудилъ какой-то странный шумъ, черезъ нѣсколько мгновеній она увидѣла, что въ ея спальню вошла озаренная электрическимъ свѣтомъ ея покойная сестра, кивнула ей головой и хотѣла даже протянуть къ ней руку. Тогда моя пациентка изъ всѣхъ силъ закричала отъ ужаса. Видѣніе исчезло, сдѣлавъ ей рукою угрожающее движеніе.

— Что же вы думаете объ этомъ, докторъ? — спросилъ я, не особенно заинтересованный.

— Я? ничего! Я ей объяснилъ, что таинственное освѣщеніе происходило отъ свѣта уличнаго фонаря, падающаго на противоположную дверь, а все остальное — дѣйствіе ея разыгравшагося воображенія. Она мнѣ не повѣрила и даже настаивала, что ясно видѣла родимое пятно на лбу сестры.

— Я съ вами согласенъ, докторъ, —

замѣтилъ я, — что такія видѣнія могутъ только пригрѣзиться. Природѣ было бы слишкомъ много дѣла, если бы она вздумала связывать все прошедшее съ настоящимъ. Что умерло — то мертво. Было бы мило, еслибы каждый духъ такъ, ни съ того, ни съ сего, являлся нарушать наше спокойствіе. Единственное, средство избавить людей отъ такихъ глупостей, это смѣяться надъ ними.

— Но и насмѣшками ихъ разувѣрить нельзя, — перебилъ меня докторъ:— они настаиваютъ, что видѣли и слышали то и то. Ну, хорошо, положимъ даже, что это и правда, точно видѣли; но вѣдь все же еще не сказано, что это духъ. А между тѣмъ суевѣрный человѣкъ скорѣе позволить отсѣчь себѣ голову, чѣмъ допустить естественную причину своего видѣнія, и чѣмъ несообразнѣе видѣніе, тѣмъ болѣе онъ ему вѣритъ. Что вы на это скажете, полковникъ?

Хозяинъ нашъ съ видимымъ интересомъ слушалъ разговоръ и отъ меня не ускользнуло, что при послѣднихъ словахъ доктора онъ покачалъ головою.

— Вы, кажется, дѣйствительно готовы

вѣрить моей пациенткѣ,- весело добавилъ докторъ.

Полковникъ, затянувшись сигарой, отвѣтилъ серьезно и задумчиво:

— Я не вѣрю въ сверхъестественное, но и не отвергаю его болѣе...

— Болѣе? — воскликнулъ удивленный докторъ. — Значитъ было время, когда вы иначе смотрѣли на вещи, вольнодумцемъ были; теперь же вы не то. Если это не тайна, полковникъ, то расскажите намъ происшествіе, которое произвело въ васъ эту перемену.

Мы присоединили наши просьбы. Таинственные рассказы слушаются очень весело, когда сидишь въ пріятной компаніи вокругъ стола и заливаешь свою дрожь хорошимъ виномъ.

— Это не тайна, — сказалъ полковникъ, — но не думайте, чтобы въ моей исторіи были настоящія привидѣнія, это только странный случай, со мною приключившійся и навсегда оставшійся для меня необъясненнымъ.

Онъ помолчалъ съ минуту, очевидно вспоминая подробности далекаго прошлаго, и потомъ продолжалъ:

«Въ началѣ сороковыхъ годовъ, совершенно молодымъ человекомъ, едва надѣвшимъ офицерскіе эполеты, я получилъ приглашеніе отъ моего дяди погостить у него. Мой дядя — братъ моей матери — графъ Б-цкій, жилъ въ Польшѣ, въ своемъ великолѣпномъ имѣніи, о которомъ я съ дѣтства много слышалъ. Нашъ полкъ стоялъ въ Варшавѣ, я очень обрадовался дядиному приглашенію, тотчасъ же взялъ отпускъ и, съ первымъ дилижансомъ уѣхалъ. Это было въ октябрѣ; вечеръ задался самый ненастный и вѣтряный, когда мы выѣхали изъ Варшавы. Пассажиры дилижанса состояли, кромѣ меня, изъ стараго поляка-помѣщика и какой-то монахини, которая забила въ уголокъ и шептала молитвы. Между тѣмъ старикъ старался завлечь меня въ разговоръ. Мы и разговорились. Погода съ каждой минутой становилась все хуже, мы проѣхали открытое шоссе и теперь были въ лѣсу, но вѣтеръ все-таки врывался въ карету. Тучи такъ и неслись по небу, изрѣдка изъ-за нихъ показывалась луна. Вдругъ я замѣтилъ, что мы ѣдемъ тише и только что хотѣлъ объ этомъ сказать моему

сосѣду, какъ монахиня обратила ко мнѣ свои черные глаза и прошептала: „скоро лошади совсѣмъ остановятся.“

— Развѣ ужъ станція? — удивленно спросилъ я.

— Нѣтъ! но увидите, что такъ будетъ, это старинная привычка лошадей.

Я не успѣлъ попросить у нея объясненія этихъ странныхъ словъ, какъ лошади, дѣйствительно, остановились.

— Видите! вотъ оно! — сказала монахиня.

— Что оно?

— Памятникъ!

И она указала рукой въ правую сторону. Я выглянулъ изъ окошка. Мы были на довольно высокомъ пригоркѣ, у креста, сдѣланнаго изъ бѣлаго камня. Мѣсяцъ освѣщаль теперь этотъ бѣлый крестъ и придавалъ всей картинѣ что-то таинственное и страшное.

Помѣщикъ также выглянулъ изъ окошка и потомъ обратился къ монахинѣ: „я впервые здѣсь проѣзжаю, скажите, что все это значитъ?“ Въ эту минуту лошади снова потянули.

— Ну вотъ... это онѣ сами! — сказала спо-

койно монашенка — почтальонъ не трогаль кнута? Такъ всегда здѣсь бываетъ... Видите, какая тутъ есть исторія... Около двадцати лѣтъ тому назадъ, разбойники напали на это-мъ самомъ мѣстѣ на дилижансъ и ограбили его, при этомъ была схватка, потомъ между убитыми нашли почтальона. Въ память убитыхъ и воздвигли здѣсь крестъ. Съ тѣхъ поръ лошади ужасно боятся этого мѣста, подѣзжая къ кресту, онѣ мало-по-малу замедляютъ ходъ, и, наконецъ совсѣмъ останавливаются передъ памятникомъ. Никакіе крики почтальона не въ состояніи ихъ сдвинуть съ мѣста. Черезъ двѣ, три минуты, вотъ какъ теперь, онѣ сами трогаются и быстро спускаются съ горы.

Дѣйствительно, нашъ дилижансъ катился теперь съ трескомъ и грохотомъ; деревья такъ и мелькали изъ окошекъ.

— Вы мнѣ не вѣрите? — упрекнула меня монахиня, такъ какъ я не удержался отъ смѣха.

— Нѣтъ, я вѣрю, что все это было, но думаю, что вы ошиблись, видя какую-то сверхъестественную силу тамъ, гдѣ только я вижу

самыя естественныя вещи: бѣдныя лошади съ трудомъ втаскиваютъ тяжелую карету на гору и тѣмъ замедляютъ свой ходъ; потомъ на вершинѣ горы, утомленные, онѣ совсѣмъ останавливаются, а отдохнувши, продолжаютъ путь съ новыми силами. Эта естественная потребность отдохнуть не имѣетъ никакого отношенія къ памятнику.

Старый помѣщикъ покачалъ головою.

— Какъ бы тамъ ни было, — сказалъ онъ, — а исторія непрятная, и это мѣсто, во всякомъ случаѣ, точно нарочно создано для убійства! Монашенка перекрестилась. Въ дилижансѣ воцарилось молчаніе. У сосѣда моего пропала всякая охота болтать. Мы прислонились къ подушкамъ и старались заснуть, что мнѣ впрочемъ не удавалось, и я былъ очень радъ, когда мы наконецъ пріѣхали на станцію, гдѣ меня дожидались высланныя за мной лошади.

Было уже за полночь, когда я добрался до дома, или вѣрнѣе до замка моего дяди, такъ какъ это былъ настоящій старинный замокъ, построенный чуть ли еще не въ XV вѣкѣ. Утомленный дорогой и продрогшій, я съ

наслажденіемъ послѣдоваль за вышедшимъ меня встрѣтить дядей въ теплую комнату. Послѣ ужина мой старикъ не сталъ меня удерживать и, вмѣстѣ съ старымъ своимъ камердинеромъ Казимиромъ, проводилъ въ отведенное мнѣ помѣщеніе.

— Ты долженъ радоваться, милый мой, что не пріѣхаль днемъ раньше, — сказалъ онъ, — когда мы проходили длинными корридорами. Вчера въ комнату, которую я назначилъ для тебя, неожиданно провалилась печь, это бы не совсѣмъ пріятно потревожило твой сонъ. Поэтому мы теперь приготовили тебѣ ночлегъ въ старой башнѣ, тамъ ты будешь въ безопасности.

— Какъ въ лонѣ Авраама, — докончилъ я, думая только о томъ, какъ бы скорѣе улечься.

Пройдя еще длинный корридоръ и взобравшись по старой трещавшей лѣстницѣ на башню, мы наконецъ очутились въ просторной круглой залѣ. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ одинъ и осмотрѣлся. Я замѣтилъ старинный, весело горящій каминъ, нѣсколько массивныхъ кожаныхъ креселъ изъ рѣзного

чернаго дуба и свѣжую, только что приготовленную постель. Я поспѣшно раздѣлся, улегся и нѣсколько минутъ лежалъ съ открытыми глазами. Вдругъ я замѣтилъ, что моя кровать не была плотно придвинута къ стѣнѣ. Я поднялъ голову и увидѣлъ надъ собою большую картину въ тяжелой черной рамѣ. Сначала, при мерцающемъ свѣтѣ камина, я не могъ ничего хорошенько разглядѣть, но наконецъ увидѣлъ, что это старый портретъ и, судя по одеждѣ и четкамъ въ желтыхъ рукахъ, что это портретъ католической монахини или даже игуменіи. Вѣроятно, игуменіи, такъ какъ изъ бѣлаго сборчатаго воротника выглядывалъ большой крестъ. Черные блестящіе глаза смотрѣли на меня съ бѣлаго мертвеннаго лица и казалось все болѣе оживлялись.

Воображеніе мое мало-по-малу уносило меня въ то далекое прошлое, когда эта блѣдная женщина жила между живыми. Я начиналъ дремать подъ эти грезы. Вдругъ я встрепенулся — отчего — не знаю. Въ испугѣ я невольно взглянулъ на портретъ и — что же? Монахиня мнѣ кивнула головою!..

— Обманъ воображенія! — крикнулъ док-

торъ.

— Выслушайте до конца, — сказалъ полковникъ серьезно. — Монахиня мнѣ кивнула! Ледяная дрожь пробѣжала по моему тѣлу; я хотѣлъ вскочить и выбѣжать, но члены мои были неподвижны и какая-то невидимая сила пригвоздила меня къ кровати, а глаза мои къ портрету. Все было тихо въ замкѣ, даже вѣтеръ пересталъ шумѣть, только я не спалъ и не спала эта ужасная женщина... Она болѣе не кивала, но злобно улыбалась. Не спрашивайте меня, какъ это было возможно! Довольно того, что видѣлъ, какъ блѣдныя руки разжались, тонкія губы открылись и я услышалъ тихій, но внятный голосъ.

Полковникъ замолчалъ и провелъ рукою по лбу. Потомъ продолжалъ: „я услышалъ цѣлую грустную исторію разбитаго сердца. Ужасная женщина рассказывала мнѣ изъ своей черной рамы о томъ, какъ отняли у нея любимаго жениха, чтобы женить его на младшей, болѣе красивой, сестрѣ, а ее самое заперли въ монастырь, гдѣ только смерть избавила ее отъ горя“.

Я лежалъ съ открытыми глазами, не въ си-

лахъ пошевелить пальцемъ.

„Я умерла, пронзительно шептала монахиня, но моя душа не можетъ успокоиться, пока я не найду и не обниму своего жениха“.

Дрожь меня схватила. Я слышалъ шелестъ чернаго платья, стукъ пятокъ, я чувствовалъ холодную струю воздуха на моей щекѣ. Я видѣлъ какъ вся фигура высвободилась изъ рамы — крикъ замеръ на моихъ губахъ.

Да, у меня не оставалось сомнѣнія! дѣйствительно монахиня приближалась ко мнѣ, — она хотѣла тащить меня въ свою могилу. Она уже стояла около моей кровати съ протянутой ко мнѣ рукою, губы ея были раскрыты. Вдругъ огонь въ каминѣ погасъ, полная темнота окружила меня. Я собралъ всѣ силы, чтобы подняться, но что-то тяжелое лежало на мнѣ и душило меня. Я страшно боролся съ этой женщиной; холодный потъ выступилъ на моемъ лбу... Но все напрасно, — въ страстной злобѣ охватила, она мою шею, мое тѣло... Еще разъ я приподнялся и старался отбросить ужасное привидѣніе, но вдругъ почувствовалъ ея дыханіе, поцѣлуй ея холодныхъ губъ на моемъ лбу.

Я вскрикнулъ и потомъ уже ничего не помню...

Когда я открылъ глаза — было свѣтло. Около меня, на кожаномъ креслѣ сидѣлъ дядя и съ озабоченнымъ лицомъ прикладывалъ компрессъ къ моему страшно болящему лбу.

— Ну, милый, ты это что такое продѣлываешь?

Я хотѣлъ подняться, но не могъ, я былъ какъ разбитый и едва нашелъ силу поднять голову къ портрету — но онъ исчезъ.

Дядя замѣтилъ движеніе.

— Да, признаюсь, не ожидалъ я этого отъ старой игуменіи: — сказалъ онъ.

— Игуменія?.. гдѣ она.

— А вотъ въ углу! Богъ знаетъ какимъ образомъ гвоздь выпалъ... Но вѣдь она могла тебя убить — вытерпѣть цѣлую ночь на себѣ такую тяжесть — не шутка!

— Такъ это правда? — вскрикнулъ я съ ужасомъ.

— Да, да, рама портрета тебѣ сильно поранила голову... По счастью мой старый Казимиръ рано утромъ вошелъ въ комнату и увидѣлъ все это. Ты лежалъ, хрипя подъ порт-

ретомъ, и кровь струилась изъ твоего лба.

— Значить, все это былъ только ужасный сонъ? — вскричалъ я съ радостью и рассказалъ дядѣ мое ночное приключеніе.

Сперва старикъ началъ было смѣяться, но по окончаніи моего разсказа поблѣднѣлъ и тихо сказалъ:

— Знаешь, что, я велю сжечь этотъ проклятый портретъ!

Такъ и сдѣлали...

Полковникъ замолчалъ, мы также не знали, что сказать, и тоже молчали. Наконецъ докторъ встрепенулся.

— Могу я вамъ высказать свое мнѣніе, любезный другъ?

— Отчего же нѣтъ?

— Съ вами былъ просто кошмаръ въ ту ночь.

— Можетъ быть, я не отрицаю.

— Да, невозможно и отрицать, съ какой-то яростью воскликнулъ докторъ. Все это очень легко объяснить. Вы были утомлены путешествіемъ, ваше воображеніе было возбуждено послѣ происшествія у памятника, кромѣ того поздній и сытный ужинъ — все

это отличная подготовка для кошмара!

— А портретъ? — задумчиво спросилъ полковникъ.

— Портретъ? — сказалъ я — конечно портретъ тутъ главный виновникъ. Онъ упалъ на васъ и привелъ васъ въ оцѣпененіе, во время котораго вы все рассказанное не пережили въ дѣйствительности, а видѣли въ бреду.

— Гм! И это предположеніе можетъ быть вѣрнымъ, — отвѣчалъ полковникъ. — Ну, а ты что на это скажешь? — обратился онъ къ своему племяннику, который во время разсказа не разъ насмѣшливо улыбнулся.

— Я очень жалью, что мой двоюродный дѣдъ приговорилъ къ сожженію монахиню за ея позднюю любовь. Это autodafé было плохой наградой терпѣнію, съ которымъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій ждала она своего жениха. Ну можно ли было на нее сердиться...

Мы засмѣялись.

Полковникъ задумчиво качалъ сѣдою головою.

— Очень можетъ быть, что всѣ вы правы, господа, сказалъ онъ: но только на одно важ-

ное обстоятельство вы не обратили вниманія. Какимъ образомъ это случилось, что сонъ мой такъ удивительно согласовался съ дѣйствительною исторіей монахини.

— Неужели! — воскликнулъ съ изумленіемъ докторъ.

— Въ этомъ-то все дѣло... Представьте, что игуменія дѣйствительно нѣкогда, должна была пожертвовать для счастья своей младшей сестры женихомъ и была насильно пострижена. Это обстоятельство и заставило моего дядю сжечь колдовской портретъ и такимъ образомъ лишить его силы.

— И вы ничего про это не слыхали до того вечера? — спросилъ я.

— Ни слова! Развѣ молодой офицеръ интересуется такими вещами?

Мы молчали.

— Я рассказалъ вамъ только самый фактъ, — продолжалъ полковникъ, — но не въ силахъ передать словами испытанныхъ мною ощущеній и того впечатлѣнія, которое все это во мнѣ оставило. А впечатлѣніе было таково, что я до сихъ поръ нахожусь въ сомнѣніи — что это такое сонъ или

дѣйствительность?

1917